

УДК 347.471.7

А.А. Исаева (Агафонова)

СВОБОДА РЕЛИГИИ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И РОССИЙСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

В настоящий момент исследователи по-разному оценивают характер реализации свободы совести и свободы вероисповедания в России. Однако все чаще звучит мнение об усилении влияния «традиционных» религиозных объединений на политику государства и клерикализацию институтов власти. Российское законодательство о свободе совести и формах ее реализации требует пересмотра, как и вся система государственно-конфессиональных отношений. Анализ зарубежного опыта может стать источником для прогрессивных идей в этой области для применения в российской практике и показать на возможные ошибки и пути их преодоления.

Ключевые слова: свобода религии, светское государство, конфессиональная политика, религиозные объединения.

Свобода религии и проблемы в этой области, характерные для России. В Российской Федерации конституционно человек, его права и свободы, включая свободу совести и вероисповедания, провозглашены высшей ценностью. Законодательство нашей страны с учетом международных требований в области правового статуса личности и тенденций современной юридической науки закрепило ряд важнейших положений, обеспечивающих реализацию религиозных прав и свобод граждан. Однако, несмотря на определенный прогресс в этой области, можно признать, что в России развитие рассматриваемых свобод осуществляется непоследовательно и неоднозначно.

В последнее время налицо повсеместный отход от конституционных принципов и клерикализация институтов публичной власти. Данная тенденция нашла свое проявление в ряде реформ – это введение в общеобразовательных школах с четвертого класса курса «Основы религиозных культур и светской этики», реституция государством церковного имущества и принятие соответствующего Федерального закона РФ от 30.11.2010 № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», появление института капелланства в Вооруженных Силах РФ и пр.

Другая тенденция проявилась с распадом Советского Союза в 1991 г., когда по Восточной Европе прокатилась волна распространения религиозной свободы. Церкви, монастыри и синагоги, которые использовались для светских целей государства, были переданы их законным владельцам – религиозным организациям, и миллионы верующих постсоветского пространства, наконец, смогли почувствовать себя свободными и поклоняться в соответствии со свободно выбранным вероучением. Вскоре появился всплеск интереса к «новым религиям». Но новыми они были для России, поэтому среди них оказались в том числе и протестантские миссионерские группы. Затем последовала негативная реакция со стороны Русской православной церкви, которая

стремится исключить распространение «иностранных» религиозных групп в некоторых частях Восточной Европы и России.

Еще одна тенденция, характерная для постсоветского пространства, – это возникновение и распространение религиозного радикализма. Она стала результатом подавления православия в Центральной Азии в период советской власти, сталинских переселений представителей различных протестантских общин и попытки Москвы заменить религиозную идентичность на этническую среди коренного мусульманского населения в этом регионе. На момент распада Советского Союза были созданы благоприятные условия для деятельности сторонников радикального ислама, а также различных религиозных сект и новых религиозных организаций (в том числе тоталитарных). Не случайно А. Сухов [1] ставит вопрос об ответственности советской власти за имеющее место сейчас распространение религиозного экстремизма.

Существование подобных явлений мешает политической стабильности страны и сдерживает прогрессивное развитие отношений в сфере реализации свободы совести, а соответственно, должно стать предметом законодательного реформирования. С течением времени проблема модернизации законодательства в сфере реализации свободы совести остается, и для осмысления ее решения обратимся к позитивному зарубежному опыту.

Сравнительно-правовой обзор проблем реализации свободы совести и свободы вероисповедания. В разных странах и регионах мира в связи с историческими, геополитическими и национально-культурными предпосылками актуальными в настоящее время становятся разные аспекты реализации свободы совести и свободы вероисповедания. Так, Европа с ее богатой историей религиозных войн и противостояний между религиями, обострившихся со времен Реформации, продолжает решать для себя вопрос о том, как обращаться с новыми сектами и религиозными меньшинствами. Решения варьируются от законов, разрешающих «ликвидацию» сект во Франции, до запрета религиозным лидерам посещать страны, правительственные комиссии которых обнаружили, что их новые группы представляют собой реальную угрозу общественному благополучию. Например, во Франции Декретом Президента от 28.11.2002 была создана Межведомственная миссия по наблюдению и борьбе с сектами (фр. Mission interministérielle de vigilance et de lutte contre les dérives sectaires, MIVILUDES). Прообраз этой организации – Межведомственная миссия по борьбе с сектами (фр. La Mission interministérielle de lutte contre les sectes) (MILS) – действовала с 1996 до 2002 г. Основным содержанием деятельности этой организации является: наблюдение и анализ сектантских движений, действия которых наносят ущерб правам человека и основным свободам, или представляют угрозу для общественного порядка, или нарушают законы; поддержка, при уважении гражданских свобод, координации превентивных и репрессивных актов правительства в отношении этих организаций; развитие обмена информацией между государственными службами и пр. В последнем своем отчете за 2011–2012 гг. основными разделами, отражающими приоритеты в работе MIVILUDES, стали: вовлечение пожилых людей и несовершеннолетних в сектантскую деятельность, информационная работа министерств, поддержка жертв сектантства и пр. [2].

Вопрос о борьбе с «сектами» играет значительную роль в эволюции единой европейской идентичности, равно как и вопрос о более благоприятных условиях, предоставляемых некоторым религиозным объединениям по сравнению с другими, например католической и лютеранской церквям в Германии или православной церкви в Восточной Европе.

В многоконфессиональной России вопрос о распространении «новых религий» также актуален, и хотя действует ряд законодательных ограничений на распространение таких верований, вряд ли их можно назвать достаточными и эффективными. Так, существуют проблемы практически полной законодательной неурегулированности миссионерской деятельности и государственной религиозно-ведческой экспертизы; отсутствия в законе исчерпывающего перечня грубых нарушений закона, допущенных при создании религиозной организации или при ее деятельности и носящих неустранимый характер; явной неполноты регламентации правового статуса религиозных групп; недостаточной четкости и детализированности в формулировке условий и порядка ликвидации религиозных организаций в судебном порядке и т.д. [3, 4, 5].

В США тем временем широко обсуждается и доктринально разрабатывается вопрос о тонкостях содержания самой религиозной свободы и ее места среди остальных прав человека. В Соединенных Штатах о свободе совести часто говорят как о первой свободе [6; 7; 8; 9. Р.17–27]. И это не связано с тем, что она закреплена в первой поправке к Конституции США 1787 г. В конечном счете это своего рода историческая случайность. В более ранних проектах она содержалась в третьей поправке. Свобода совести действительно имеет первостепенное значение, так как непосредственно связана с основой человеческого достоинства, защищает систему убеждений человека и его мировоззрение. Она часто связана с другими правами, такими как свобода мысли, свобода выражения мнения, право на объединения, свобода мирных собраний, защита от дискриминации, право на защиту частной жизни и др. Однако их совокупность не может подменять свободу совести и влечь за собой ее исключение из конституционного текста. В противном случае это приведет к чрезмерному абстрагированию и произвольному правоприменению. Например, в Нью-Мексико (США) Комиссия штата по правам человека постановила, что фотограф Элейн Хагуенин (англ. Elaine Huguenin), которая по религиозным мотивам отказалась фотографировать церемонию однополого бракосочетания, должна заплатить 6 637 долларов в качестве компенсации моральных убытков однополой паре и оплаты судебных издержек, а государственный судья оставил решение в силе на том основании, что усмотрел в данном случае дискриминацию по признаку сексуальной ориентации [10].

Практически востребованным в США стал и вопрос о конституционности включения слов «под Богом» (англ. «under God») в клятву верности и как Десять заповедей могут повлиять на государственную собственность.

Совсем иная картина наблюдается в азиатских и мусульманских странах, где религиозные свободы подвергаются значительным ограничениям. В Восточной Азии, Китае, Лаосе, Северной Корее и Вьетнаме народы официально остаются под коммунистическими режимами, которые продолжают подавлять религиозную свободу тех групп, которых подозревают в возможной нелояльности к государству. В Китае к ним относятся католики, лояльные к

Папе Римскому, мусульмане, тибетские буддисты, протестанты и движение Фалуньгун; в Лаосе – протестанты; во Вьетнаме – Хоахао, Каодай и некоторые христианские движения. В Северной Корее государству удалось практически полностью исключить публичные проявления религиозных чувств, за исключением небольшого количества официально разрешенных мест для богослужений, действующих главным образом для туристов. Бюро по демократии, правам человека и труду Госдепартамента США в своем ежегодном отчете за 2012 г. указало восемь государств как «стран, вызывающих особую озабоченность». Это Бирма, Иран, Эритрея, Китай, Северная Корея, Саудовская Аравия, Судан, Узбекистан. Не случайно отмечается, что это регионы, где имеют место наиболее серьезные нарушения свободы вероисповедания [11].

Мусульманские страны остаются своего рода исключением из международных стандартов в отношении свободы совести и свободы вероисповедания. Лишения свободы, конфискация имущества и даже смертная казнь все еще применяются там за богохульство и вероотступничество, которые рассматриваются в качестве уголовных преступлений. Геноцид христианских и традиционных религиозных племенных групп в южном Судане стали результатом, по крайней мере частично, государственной политики исламизации региона. В некоторых странах религиозные меньшинства остаются незащищенными от мусульманских фанатиков, которые из буквального толкования исламских источников делают вывод о возможности убийства «неверных», а их дочери становятся вторыми и третьими женами мужчин-мусульман. Фундаменталистские движения, такие, как Талибан и Аль-Каида, угрожают наложить еще более строгие исламские режимы с суровыми наказаниями против неверных и отступников.

Но и верующие мусульмане в ряде стран также ограничены в праве свободно исповедовать свою религию. Например, в Индии они иногда остаются незащищенными перед лицом индуистских группировок, уйгурские мусульмане подвергаются широко распространенным репрессиям в Китае, а мусульмане западных стран и Израиля сталкиваются с дискриминацией как результатом реакции против террористических атак.

Опыт азиатских и мусульманских стран весьма полезен для России в качестве примера того, как откликается общественность на значительные легальные ограничения в области свободы совести и свободы вероисповедания. По данным Форума исследовательского центра «Пью» по вопросам религии и общественной жизни, значительная часть населения мира (примерно 70 %) живет в странах, где введены государственные ограничения на право людей свободно исповедовать свою веру [12, 13]. Самый высокий уровень ограничений имеет место в таких странах, как Саудовская Аравия, Пакистан и Иран, где и правительство, и общество в целом наложили многочисленные ограничения на религиозные верования. В то же время Россия, Израиль и Филиппины отнесены к тем странам, где уровень ограничений средний. Но государственная политика и социальная позиция не всегда движутся в тандеме. Так, во Вьетнаме и Китае имеет место высокий уровень государственных ограничений на религию, а со стороны общества низкий. В Нигерии и Бангладеше противоположная картина – высокие социальные ограничения, но умеренные в плане действий правительства.

Среди всех регионов на Ближнем Востоке и Северной Африке имеются самые высокие государственные и социальные ограничения на религию, в то время как в Северной и Южной Америке эти ограничения незначительны. Входя в число 25 крупнейших по численности населения стран, Иран, Египет, Индонезия, Пакистан и Индия выделяются как имеющие наибольшее количество ограничений, а наименьший – в Бразилии, Японии, США, Италии, Южной Африке и Великобритании.

Свобода религии и российские перспективы. Говоря об общих подходах к регулированию религиозных свобод и государственно-конфессиональных отношений в России, на основе опыта зарубежных стран следует отметить, что если на конституционном уровне наша страна провозглашена светским государством, где имеет место отделение государства от церкви, то необходимо последовательно проводить соответствующий принцип в жизнь в ходе осуществления всей государственной политики.

В России наблюдается «латентная» [14. Р. 568–594; 15; 16. Р. 4–14], «лояльная» модель построения светского государства, а религия и соответствующие организации не исключены из сферы публичного общественного обсуждения. В связи с этим и учитывая тенденцию возрастающей клерикализации общественной жизни, возможны альтернативные варианты развития ситуации. Либо необходимо менять конституционный принцип светского государства и легально закреплять статус «традиционных» религий и религиозных объединений. Либо выбрать другой путь – сохранение неизменными основ конституционного строя и закрепление равного конституционно-правового статуса для каждой из организационно-правовых форм отправления культа. Однако в этом случае также необходимо учитывать требования времени и поддержку отдельных религий, их вклад в современное развитие общества и человека, а не только особую роль в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры. В этом случае можно вводить категорию, аналогичную той, которая встречается в законодательстве ряда зарубежных стран, а именно «общественно полезные организации». Однако доступ к нему должен быть равным для всех организационно-правовых форм отправления культа вне зависимости от исповедуемой религии при соблюдении одинаковых для всех требований, априори известных и легально закрепленных.

В России есть понятие «социально ориентированные некоммерческие организации», закрепленное ст. 31.1 и 31.2 Федерального закона РФ от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». Однако оно характеризуется рядом неточностей. Так, за рубежом статус общественно полезных присваивается некоммерческим организациям определенным органом (регистрационным, налоговым, специально созданным) и на определенный срок (как правило, 3–5 лет). В России эти правила четко не определены, как и объемом получаемых преференций. Более того, в перечне социально полезной деятельности нет религии, как это имеет место, например, в законодательстве Австрии, Великобритании, Германии, Нидерландов, Португалии и пр. Следовательно, встает необходимость соответствующих законодательных уточнений этого понятия и расширения практики использования этой категории ре-

лигиозными организациями как одного из способов государственной поддержки их безусловно необходимой и социально полезной деятельности.

Литература

1. Сухов А. Эволюция радикализации ислама в Центрально-Азиатском регионе [Электронный ресурс]: Информационно-аналитического портала "ЕВРАЗИЯ.org". URL: [http:// evrazia.org/article/2368](http://evrazia.org/article/2368) (дата обращения: 15.10.2013).
2. *Rapport au Premier ministre 2011-2012*. Paris, 2013.
3. Пчелинцев А.В. Свобода вероисповедания и религиозные объединения в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012.
4. Со А.А. Конституционно-правовые основы свободы вероисповедания и деятельности религиозных объединений в России (на примере субъектов Российской Федерации Северо-Западного федерального округа): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010.
5. Терехов О.Н. Проблемы развития конституционно-правового статуса религиозных объединений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
6. W. Cole Durham, Jr. Religious Freedom in a Worldwide Setting: Comparative Reflections // Pontifical Academy of Social Sciences. 2011. April 30.
7. Oaks Elder Dallin H. Preserving Religious Freedom // Chapman University School of Law. 2011. Feb. 4.
8. Clinton H.R. On International Religious Freedom // Carnegie Endowment for International Peace. 2012. July 30.
9. Torfs R. The international crisis of religion freedom // Religion and Civil Society. 2011. Vol. 4 Is. 2.
10. *The Cost of Being a Christian* [Electronic resource] / Alliance defense fund. URL : <https://www.alliancedefensefund.org/Home/Detail/4333?referral=E0910B3F> (date of view: 15.10.2013).
11. *Annual Report on International Religious Freedom* [Electronic resource] / U.S. State Department. URL: <http://www.state.gov/j/drl/rls/irf/religiousfreedom/index.htm#wrapper> (date of view: 15.10.2013).
12. *Rising Tide of Restrictions on Religion* [Electronic resource] / Pew Forum on Religion and Public Life. URL: <http://www.pewforum.org/Government/Rising-Tide-of-Restrictions-on-Religion.aspx> (date of view: 15.10.2013).
13. Brian J. Grim, Rising Restrictions on Religion: A Global Overview // *BYU Law Review*. 2012. № 3.
14. Kuru A.T. Passive and Assertive Secularism: Historical Conditions, Ideological Struggles, and State Policies toward Religion // *World Politics*. 2007. Vol. 59.
15. Kuru A.T. *Secularism and State Policies toward Religion: The United States, France, and Turkey*. New York, 2009.
16. Modood T. Moderate Secularism, Religion as Identity and Respect for Religion // *The Political Quarterly*. 2010. Vol. 81, No. 1.